

Диалоговый формат «Россия-Индия-Китай»: китайский фактор, текущие перспективы, задачи России

© Уянаев С.В.^a, 2022

^a Институт Китая и современной Азии РАН, Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0002-5471-8224; svuyav@yahoo.com

Резюме. Нынешнее обострение международной обстановки повышает актуальность анализа потенциала и перспектив взаимодействия России, Индии и Китая (РИК).

Диалоговый формат РИК, нацеленный на продвижение к полицентричному миропорядку и сотрудничество трех стран в экономике и других сферах, имеет сегодня как возможности, так и ограничители. Последние связаны со сложностями китайско-индийских отношений, с непростой ролью «китайского фактора», в том числе в отношениях Москвы и Нью-Дели, с текущими мировыми трансформациями.

Россия, заинтересованная в укреплении РИК, стоит сегодня перед задачей поиска ответов на ряд вызовов. Существует неопределенности относительно вектора диалога между Пекином и Нью-Дели, в связи с чем насущным является деликатное содействие разрешению китайско-индийских споров.

Есть немало вопросов, связанных с развитием текущих глобальных и региональных тенденций, в т.ч. с нагнетаемой коллективным Западом политикой тотальной изоляции России под предлогом украинских событий. От способности реагировать и купировать подобные риски прямо зависят перспективы трехстороннего формата и связанные с ним интересы РФ.

Ключевые слова: Россия, Индия Китай, РИК, взаимодействие, диалоговый формат, вызовы

Для цитирования: Уянаев С.В. Диалоговый формат «Россия-Индия-Китай»: китайский фактор, текущие перспективы, задачи России. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 9. С. 5-11. DOI: 10.31857/S032150750021782-2

“Russia-India-China” dialogue format: The Chinese factor, current prospects, tasks for Russia

© Sergey V. Uyanaev^a, 2022

^a Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0002-5471-8224; svuyav@yahoo.com

Abstract. The article attempts to analyze the potential and prospects of cooperation for trilateral cooperation among Russia, India and China (RIC) in the context of the current aggravation of the international situation.

The author proceeds from the fact that the dialogue format of the RIC initially aimed to promote a polycentric world order, as well as to push forward the practical cooperation among and between (bilateral level) the three countries in economic, social, cultural, humanitarian, scientific, technical and other similar spheres, nowadays has both considerable opportunities and noticeable limitations. The latter are connected, in particular, with the complexities of Sino-Indian relations, with the ambiguous, therefore, role of the “Chinese factor” regarding especially the relations between Moscow and New Delhi.

There are some issues (usually of a routine nature) awaiting resolution in Moscow’s bilateral relations both with Beijing and New Delhi. The risks experienced by the RIC format in the context of current international transformations also play their role.

Russia, which is interested in strengthening the RIC, is now facing the task of finding answers to a number of challenges. Among them is the need to build equally strong and stable relations both with India and China, and to pursue a policy that would not allow somebody reproaching Russia with any “preferences” in one direction or another.

It is also important to carefully encourage India to participate in such structures as BRICS and SCO, to contribute - delicately and unobtrusively - to promotion of Sino-Indian relations, including the solving of border problem.

Keywords: Russia, India, China, RIC, interaction, dialogue format, challenges

For citation: Sergey V. Uyanaev. “Russia-India-China” dialogue format: The Chinese factor, current prospects, tasks for Russia. *Asia and Africa today*. 2022. № 9. Pp. 5-11. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750021782-2

ВВЕДЕНИЕ

Отношения в треугольнике РФ - Индия - Китай (РИК), как и сам существующий уже два десятилетия диалоговый формата РИК, традиционно являются предметом повышенного внимания политиков и экс-

пертов. Это внимание потенциально способно вырасти на фоне текущих трансформаций международной архитектуры, связанных с растущей конфронтацией России и коллективного Запада, усложнением китайско-американских отношений, в т.ч. в связи с ситуацией в Восточной Азии, в частности, вокруг Тайваня. Понятно, что в стороне от этих процессов не может оставаться и такая крупная держава, как Индия.

ДВУЕДИНАЯ СУЩНОСТЬ

Россия, Индия и Китай («тройка», часто называемая «гиганты Евразии») - это 40% населения планеты, пятая часть её суши и, по последним данным, 22,4% номинального мирового ВВП (по ППС еще выше - почти 29%) [1].

Россия и Китай являются официальными членами «ядерного клуба», постоянными членами Совета Безопасности ООН. Индия располагает ядерным статусом де-факто, числится среди главных претендентов на постоянное членство в СБ в ходе обсуждаемой реформы ООН. Поэтому реальные и потенциальные трехсторонние интеграционные связи в данном формате способны заметно влиять на региональную и международную обстановку, в т.ч. с точки зрения перспектив формирования инклюзивной, равноправной и представительной многополярной международной системы.

Но не только. Для каждой из названных стран важны и отношения «внутри» РИК - непосредственно между Москвой и Нью-Дели, Нью-Дели и Пекином, Пекином и Москвой. Очевидно, что состояние и особенности каждой из данных линий имеют прямое отношение к потенциалу, прочности и возможностям трехсторонней системы в целом.

В этом смысле возможную трехстороннюю международную координацию и практическую интеграцию, с одной стороны, и отношения между РФ, Индией и КНР на двустороннем уровне (в т.ч. с прицелом на трехсторонние экономические и другие практические проекты), с другой, можно рассматривать в качестве двуединой сущности и свойственных «тройке» двух одинаково самоценных категорий.

Если говорить о двусторонних отношениях, то трудно не заметить, что взаимодействие между собой любой пары углов треугольника РИК, испытывает, так или иначе, влияние со стороны «третьего угла». Это абсолютно справедливо, например, для российско-индийского диалога, в котором, с учетом исторически противоречивых отношений между Индией и Китаем, так или иначе, присутствует влияние «китайского фактора».

Конечно, и Москва, и Дели, отношения между которыми традиционно носят высокий характер и имеют статус привилегированного стратегического партнерства, смотрят на «китайский фактор» со своими особенностями.

ВЗГЛЯД ИЗ МОСКВЫ

Россия числит и Китай, и Индию среди своих главных внешнеполитических приоритетов. Стремится к прочным отношениям стратегического партнерства с каждой из двух стран. Поэтому отношения с Дели, являющиеся по-своему уникальными (в них практически никогда не существовало серьезных политических проблем), Москва стремится выстраивать без ущерба для своих связей с Пекином. Точно так же Россия избегает продвигать российско-китайское взаимодействие за счет ущемления отношений с Индией.

Курс Москвы - это стремление поддерживать максимально сбалансированный и одинаково дружественный, партнерский характер связей и с Китаем, и с Индией. Не случайно, например, что встречи с партнерами на высшем уровне руководство РФ по возможности стремится совмещать по времени проведения. Так было еще в 2002 г., когда В.В.Путин 1-3 декабря находился в Пекине, а в следующие два дня - в столице Индии; аналогичный подход часто соблюдался в последующие годы; по существу - те же совмещенные саммиты имели место и в последнее время, когда президент РФ, совершив 6 декабря 2021 г. визит в Дели, спустя чуть более недели провел переговоры с председателем КНР (в формате видеоконференции, второй в 2021 г.).

Понятно, что такому сбалансированному подходу отвечало бы, в свою очередь, прочное сотрудничество и добрососедство между КНР и Индией. В том числе поэтому Москва инициировала в 2001-2002 гг. диалоговый формат РИК (а позднее и БРИК/БРИКС), где такое видение могло бы получить существенную подпитку - обеспечивалась бы дополнительная почва для прочного созидательного диалога сразу по всем двусторонним линиям отношений в российско-китайско-индийском треугольнике, включая отношения между КНР и Индией. Не случайно ещё в первом официальном коммюнике по итогам встреч министров иностранных дел трех стран, подписанном в 2005 г., говорилось о важности «динамичного развития двусторонних отношений между Россией и Индией, Россией и Китаем, Индией и Китаем», что одновременно «открывает возможности для выхода трехстороннего сотрудничества на качественно новый уровень» [2].

В рамках РИК (и БРИКС) - структур, которые, с точки зрения комплексных задач, нацелены, повторим, не только на вклад в «формирование многополярного, стабильного и гармоничного мира, демократизацию международных отношений и становление более справедливого и рационального международного порядка»¹, но и на многопрофильное практическое сотрудничество между странами-участницами, действительно были созданы дополнительные площадки для конструктивных двусторонних контактов. Свидетельством этому были, в частности, неоднократные переговоры министров иностранных дел КНР и Индии на полях регулярных трехсторонних встреч РИК (например, в декабре 2017 г. в Дели², а также в феврале 2019 г. в китайском г. Учжэнь [3]).

Но жизнь часто оказывается сложнее. В силу застарелых проблем отношений между Пекином и Дели (пограничная, тибетская, торгово-экономическая и другие), а также в связи с периодическим обострением сравнительно новых зон противоречий, включая конкуренцию за региональное лидерство, отношения между Пекином и Дели всё ещё трудно назвать прочными и стабильными. А это объективно затрудняет и функционирование трехстороннего формата.

«КИТАЙСКИЕ ОПАСЕНИЯ» ИНДИИ

Поэтому, если мы говорим об Индии, то её видение китайского фактора в РИК колеблется в диапазоне от внимательного мониторинга - порой с определенной озабоченностью - взаимодействия между Москвой и Пекином, до выражения очевидного беспокойства и опасений (по крайней мере, среди экспертов), если речь идет о китайской внешней политике в целом.

Это не случайно, поскольку «китайский фактор» (наряду с «фактором Пакистана») буквально пронизывает индийский внешнеполитический курс, прежде всего - на региональном уровне.

Итоговый уход Индии (после нескольких лет участия в обсуждениях) от участия во Всеобъемлющем региональном экономическом партнерстве (ВРЭП), членом которого является Китай; достаточно активное подключение к фактически возглавляемой США группировке QUAD³ и диалоговому формату «США-Япония-Индия»; продолжение курса подчеркнутого отстранения от сотрудничества по китайской трансконтинентальной инициативе «Пояса и пути» - эти и им подобные свои действия официальный Нью-Дели последовательно и настойчиво объясняет обтекаемой формулировкой о необходимости «обеспечения региональной стабильности». Но даже в этой дипломатичной формуле явно подразумевается контекст вызовов со стороны «китайского фактора». Более того, на фоне пограничных обострений не только общественность и эксперты, но даже действующие высокопоставленные индийские военные, порой, не удерживаются от прямого упоминания Китая в качестве «самой большой угрозы безопасности Индии» [4].

При этом, однако, в Индии подчеркивают (на эту тему на недавнем семинаре в ИМЭМО РАН в Москве выступил, в частности, известный индийский политолог Атул Анеджа), что Нью-Дели не стремится «сдерживать Китай», целью является достижение «стабильного баланса сил».

Очевидно, что и в рамках российско-индийско-китайской «тройки» Индия, в известном смысле, хотела бы в рамках достижимого «сбалансировать» Китай.

В свою очередь, китайская сторона не раз, в частности, на экспертных площадках, задавала косвенные вопросы о якобы «предпочтениях РФ» в сторону Индии, в частности, в сфере военно-технического сотрудничества. В свое время в качестве примера такого рода в КНР приводился факт передачи Россией в аренду индийскому ВМФ (конец 2011 г.) атомной подводной лодки [5]. В этом же ряду - и сравнительно недавние события, когда из КНР прозвучали завуалированные, но тем не менее вполне доступные для прочтения в Москве сигналы недовольства приобретением Индией российских систем ПВО С-400 [6]. И это - несмотря на то, что ранее такие же системы уже были поставлены Китаю.

Такая ситуация ставит порой Россию в деликатное положение (его иногда называют «шпагатом»). Выйти из этой затруднительной ситуации, сохранить высокий уровень отношений как с Нью-Дели, так и с Пекином помогает, повторим, формат РИК. Но нельзя не видеть, что заметное осложнение в послед-

¹ Именно таким образом одна из основных целей РИК была сформулирована, например, в одном из первых документов этого формата - Совместном коммюнике по итогам встречи трех министров иностранных дел (15 мая 2008 г.). https://mid.ru/ru/foreign_policy/briks/1708245/

² Встреча министра иностранных дел Индии С.Свараджа со своим китайским коллегой Ван И на полях министерской встречи РИК прошла через несколько месяцев после 72-дневного пограничного противостояния в районе плато Доклам, поэтому существо непростых переговоров потребовало специальных разъяснений для СМИ, с которыми выступил официальный представитель МИД Индии. https://www.mea.gov.in/media-briefings.htm?dtl/29177/Official_Spokespersons_response_to_articles_appearing_in_some_sections_of_media_regarding_EAMs_Meeting_with_Chinese_FM

³ QUAD - стратегический диалог между Австралией, Индией, США и Японией по проблемам безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе (прим. ред.).

ние два-три года китайско-индийских отношений поставило перед трехсторонней структурой очевидные вызовы.

Кровопролитные события в долине реки Галван на пограничном участке в Ладакхе в июне 2020 г. хоть и не заморозили деятельность РИК, но очевидно внесли в неё сдерживающие элементы.

Понятно, что на принципиальную возможность мероприятий в РИК начиная с 2020 г. универсальные ограничители наложил пандемия *COVID-19*. Однако трудно не обратить внимания, что состоявшиеся «после Галвана» в рамках российского председательства (2020 г.) мероприятия трех министров иностранных дел (видеоконференция 23 июня и очная встреча 11 сентября в Москве) завершились не традиционными коммюнике, а лишь весьма лаконичными Совместными сообщениями для СМИ. При этом личная встреча в сентябре в российской столице впервые с 2005 г. была организована не отдельно, а лишь «на полях» другого форума - проходившего в Москве мероприятия ШОС [7].

НЬЮ-ДЕЛИ - ПЕКИН: СЛОЖНЫЙ ЭТАП ДИАЛОГА

Уровень китайско-индийской напряженности и жесткость пограничных столкновений в мае-июне 2020 г., а главное - вызванные ими последствия в известной степени стали неожиданностью даже для наблюдателей, следящих за ситуацией. Ведь конфликту предшествовали минимум полтора десятилетия вполне стабильного и в целом позитивного развития двустороннего диалога, в т.ч. на уровне встреч высших руководителей.

Достаточно вспомнить, что не далее как в 2018 и 2019 гг. были проведены специальные неформальные саммиты вначале в Ухане, а потом в Ченнаи, на которых, согласно оценкам специалистов, председатель Си Цзиньпин и премьер-министр Н.Моди укрепили «стратегический консенсус», продвинули доверительность китайско-индийского диалога, атмосфера которого получила даже специальное определение - «Дух Уханя». На границе без малого полвека не звучало ни единого выстрела.

Огнестрельное оружие (по специальному обоюдному соглашению пограничные подразделения им не оснащаются) не применялось сторонами и в ходе июньских схваток в долине Галван. Тем не менее, в результате применения камней, тяжелых дубинок, падений с высоты имели место первые с 1975 г. людские жертвы: индийская сторона сообщила о 20 погибших, власти КНР после восьмимесячной паузы официально сообщили о четырех таких случаях.

Общим же результатом стали существенно обострившиеся отношения по многим линиям, ослабление экономических, гуманитарных и иных контактов. В общественном пространстве и СМИ каждой из стран не стало недостатка в критике и обвинениях в адрес противоположной стороны, видные эксперты, в частности, бывший советник по национальной безопасности при премьер-министре Индии Шившанкар Менон, оценили общее положение как на редкость серьезное и требующее «коренной перезагрузки» [8].

За истекшее с момента пограничных столкновений время Индии и Китаю путем сложных переговоров, причем в опоре на созданные в последние 10-15 лет специальные механизмы пограничного диалога (и это, заметим, в любом случае - несомненное достижение общего комплекса отношений), удалось добиться заметного снижения уровня противостояния.

Однако урегулирование, в частности, по мнению Индии, носит неполный характер, поскольку не на всех участках реализовано её требование отвести китайские подразделения на линию разграничения в Ладакхе по состоянию на начало конфликта. Если у озера Пангун-цо (здесь столкновения имели место начиная с мая 2020 г.) сторонам в части разведения войск удалось достичь взаимоприемлемых решений, то в долине Галван дела продвигаются заметно медленнее, требуемый Индией возврат на позиции, существовавшие до начала острой фазы, китайские военные пока не принимают.

Тем не менее позитивные сигналы имеются. Так или иначе, но в 2021 г. торговля товарами между Китаем и Индией в годичном измерении увеличилась более чем на 43% и (по китайской статистике) достигла рекордного в истории уровня - \$125,7 млрд [9]. Глава МИД КНР в марте 2022 г. на пресс-конференции на полях очередной сессии китайского парламента вновь говорил о задаче достижения «устойчивого мира и согласия с Индией» [10], а спустя две недели (25 марта) совершил первый с момента обострения визит в её столицу. В ходе переговоров в Пекине министр иностранных дел КНР Ван И и его индийский коллега С.Джайшанкар отметили взаимную «заинтересованность в стабильных и предсказуемых отношениях».

Надо заметить, что индийское экспертное сообщество не склонно переоценивать итоги встречи. Обозреватель «*Economic Times*» Дипанджан Чаудхури, выступая через два месяца на Круглом столе в Российском совете по международным делам, в ответ на вопрос о результатах визита главы китайской дипломатии особо подчеркнул тот «не слишком оптимистичный» факт, что Ван И, в отличие от побывавшего в Дели чуть ранее С.Лаврова, не был принят премьером Нарендрой Модии.

В любом случае движение к известной нормализации, пусть и неспешной, похоже, явно наметилось. Принимая в конце июля 2022 г. нового индийского посла в Пекине (им стал П.К.Рават) Ван И подчеркнул, что обе стороны должны идти навстречу друг другу, продвигать китайско-индийские отношения, чтобы сохранить импульс восстановления, вернуться на путь стабильного и здорового развития в ближайшее время, совместно решать различные глобальные проблемы и защищать общие интересы Китая и Индии. В ответ индийский дипломат отметил, что его страна в рамках своей независимой политики «готова работать с Китаем, чтобы придерживаться стратегического консенсуса, достигнутого лидерами двух стран, продвигать двустороннее сотрудничество для лучшего развития» [11].

ПЕРСПЕКТИВЫ РИК

С точки зрения перспектив формата РИК это означает, что текущие сложности китайско-индийских отношений не являются для него критическим ограничителем.

При всех оговорках, собираются встречи глав МИД - их 18-я встреча в ноябре 2021 г. хоть и прошла в онлайн формате, но вновь завершилась принятием полновесного коммюнике из 35 пунктов [12].

Стороны, в частности, вновь подчеркнули обоюдную заинтересованность в укреплении многополярной международной системы, основанной на уважении международного права и принципов Устава ООН, и на центральной координирующей роли ООН в международных делах. Была подтверждена общность подходов к таким проблемам, как терроризм, разоружение, диалоговый способ урегулирования споров, борьба с наркотиками, положение в горячих точках, в частности, в Афганистане и Сирии. Министры заявили также о недопустимости политики односторонних санкций сверх тех, которые приняты Советом Безопасности ООН, важности сотрудничества в таких форматах, как «Группа двадцати», БРИКС, ШОС, отметили идею создания Большого евразийского партнерства с участием стран ШОС, ЕАЭС, АСЕАН и других заинтересованных государств и многосторонних ассоциаций.

Министр иностранных дел РФ С.В.Лавров, выступая на встрече, отметил, что «Формат РИК остается одним из ключевых факторов мировой и региональной политики, востребованным в вопросах обеспечения безопасности, совершенствования архитектуры межгосударственных отношений в АТР» [13].

Значимость РИК была подчеркнута в китайских и российско-индийских документах по итогам недавних визитов В.В.Путина в Дели (декабрь 2021 г.) и Пекин (февраль 2022 г.).

Нет признаков, что РИК как-либо заметно помешали бы и украинские события, проведение Россией специальной военной операции, поскольку Индия и КНР воздержались от антироссийской позиции.

Иными словами, РИК определенно продолжают считать важным в РФ; сходной позиции придерживаются и в КНР, где, в частности, эксперты подчеркивают, что нынешнее «изменение баланса сил на евразийском континенте создает как проблемы, так и возможности для дальнейшего трехстороннего сотрудничества» [14]. Но, несмотря на происходящие международные трансформации, не проявляет намерений к выходу из него (по крайней мере, пока) и Нью-Дели, который, уже давно вполне рутинно совмещает его со своим участием в аналогичных форматах западной ориентации.

Применительно к «китайскому фактору», но уже в более широком, не связанном только с Россией прочтении, стоит еще раз вспомнить о «курсе стратегической автономии», которого твердо продолжают придерживаться в Нью-Дели. Как отмечал в свое время, говоря об особенностях этого курса, руководитель одного из крупнейших индийских экспертных центров - Института обороны и стратегического анализа (IDSA) Н.С.Сисодия, неизменный принцип политики - «не строить отношения с какой-либо из великих держав ценой связей с друзьями и партнерами» [15].

В рамках балансирования между Западом с одной стороны, и в любом случае «партнерским Китаем» (напомним, что официальный статус отношений Индии с КНР - «стратегическое партнерство») и дружественной Россией - с другой, Индия продолжает подчеркнута воздерживаться от пересечения антикитайских «красных линий». Например, уходит от участия в военных элементах различных создаваемых Западом региональных структурах типа *QUAD*. Еще менее вероятной видится перспектива, когда в жертву сближению с США были бы принесены долговременные отношения с Россией.

ЗАДАЧИ РОССИИ

На этом фоне в РИК сегодня актуализируется задача де-факто «борьбы за Индию», причем в тесной связи с необходимостью не допустить критического обострения китайско-индийских отношений.

Причины достаточно очевидны.

Во-первых, трудно не учитывать динамику перемен в международном контексте, особенно усилившуюся в 2022 г. Поляризация, в отличие от первого десятилетия существования РИК, отношений России (и в

известной степени КНР) с Западом объективно обостряют для Индии проблему выбора «стороны баррикад». Однозначное скатывание Нью-Дели в стан «западных партнеров» было бы для РИК (а во многом и для БРИКС) очевидным приговором.

Во-вторых, самостоятельным риском для РИК продолжают оставаться китайско-индийские противоречия, прежде всего по территориальной проблеме.

Ответы на эти вызовы важны и для перспектив трехстороннего формата, и для российских интересов. Поиску таких ответов со стороны РФ могло бы отвечать следующее:

- Активное поощрение заинтересованности КНР и, особенно, Индии в сотрудничестве в многосторонних форматах с участием России (РИК, БРИКС, ШОС). О том, что совместные интересы (многополярный мир, ведущая роль ООН, недопустимость гегемонии) сохраняются, говорит факт проведения в 2020-2021 гг. встреч (видеоконференции, личный формат) министров иностранных дел РИК. Трехсторонние контакты осложнены (в т.ч. по причине сдержанной позиции Индии), но их не смогли «отменить» даже кровопролитные события в Ладакхе. Об этом же свидетельствуют и различные контакты в рамках БРИКС и ШОС, а также заявления многих официальных лиц.

Так, о намерении Нью-Дели продолжать работу в РИК и других форматах уже буквально через месяц после событий в Ладакхе в ходе беседы с приглашенными российскими экспертами-политологами говорил в то время посол Индии в Москве Д.Б.Венкатеш Варма. Можно сослаться и на приведенное в комментариях по случаю очередной встречи глав МИД РИК (онлайн, ноябрь 2021 г.) мнение сотрудницы авторитетного индийского центра - *Observer Research Foundation* - Ниведиты Капур, которая отметила, что «независимо от состояния двусторонних отношений, существуют вопросы регионального и глобального значения, по которым эти страны должны работать вместе»⁴.

- Внимание к сохранению (возможному возобновлению) сформированных еще на рубеже 2000-2010 гг. дорожек взаимодействия в РИК (трехсторонние встречи «первых лиц», «дорожки» по линии МИД, академических и деловых сообществ, структур по вопросам национальной безопасности, сельского хозяйства, чрезвычайных ситуаций и т.п.). Ряд этих направлений, прежде всего в практических сферах, стартовав в свое время, затем перешли в замороженное состояние.

Реализация (несмотря на текущие международные трансформации) достигнутых ещё в ходе видеоконференции 23 июня 2020 г. договоренностей о проведении первой встречи министров обороны РФ, Индии и КНР (это стало бы качественным импульсом всей системе взаимодействия); развитие контактов по линии санитарно-эпидемических служб, задействованных в продолжающейся борьбе с пандемией коронавируса. Кроме того, можно вспомнить, что еще в 2009 г. на встрече министров иностранных дел РИК говорилось о хороших перспективах трехстороннего сотрудничества по теме углеводородов.

- При сохранении официальной позиции нейтралитета всемерное опосредованное содействие (декларации, заявления и т.п.) китайско-индийскому пограничному урегулированию. Продвижение (на уровне неофициальных, экспертных контактов с партнерами, в т.ч. с индийской стороной) опыта РФ/СССР и КНР по полноформатному решению территориального вопроса на основе «неизбежного компромисса». На фоне периодически серьезно обостряющегося спора ожидать быстрого сближения позиций КНР и Индии вряд ли придется. Но это тем более требует активизации деликатных косвенных усилий по «убеждению сторон».

- Повышенное внимание к «равноизмеримому» подходу при формировании текущей повестки российско-китайского и российско-индийского взаимодействия, уход от потенциальных упреков в «предпочтениях», что, однако, не должно касаться выполнения контрактов и обязательств (в т.ч. по линии ВТС), ранее заключенных Россией с Китаем и Индией.

- Продолжение усилий по развитию российско-индийского экономического сотрудничества, заметно отстающего от соответствующих российско-китайских показателей, в том числе стимулирование между РФ и Индией различных энергетических и других проектов, включая, например, не только уже активизировавшееся сотрудничество по поставкам российской нефти, но ставшее особенно актуальным в условиях пандемии *COVID-19* сотрудничество в фармацевтике.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Свое значение в отношениях РФ с Индией сохраняет, безусловно, и учет «фактора Пакистана»: развитие Москвой необходимых контактов с Исламабадом не должно излишне влиять на позитивную российско-индийскую повестку. Такие меры могли бы содействовать дальнейшему развитию отношений РФ с обоими

---

⁴ Марина Коваленко. У России два союзника, и те не союзники. *Коммерсантъ*. 26.11.2021. <https://www.kommersant.ru/doc/5098345> (accessed 28.11.2021)

приоритетными азиатскими партнерами, преодолению текущих сложностей в РИК, сохранению его консолидирующей роли в БРИКС и ШОС, продвижению, таким образом, системных международных интересов РФ. Все эти обстоятельства особенно важны сегодня, в условиях нарастающего антироссийского прессинга коллективного Запада.

Трехсторонний диалог вряд ли следует рассматривать с точки зрения завышенных ожиданий, но он играет свою роль в стабилизации международных отношений - роль, которую следует использовать, тем более в непростое время западной политики тотальной изоляции России.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. IMF World Economic Outlook Database, April 2022. <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2022/April/select-date-range?c=924,534,922,&s=NGDPD,PPPSH> (accessed 12.07. 2022)
2. Уянаев С.В. 2019. Россия-Индия-Китай: в контурах нового миропорядка. М., 2019. С. 111, 242.
Uyanaev S.V. 2019. Russia-India-China: In the contours of a new world order. Moscow. Pp. 111, 242 (In Russ.).
3. 中国同印度的关系. 中华人民共和国外交部. China-India Relations. Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China (In Chin.). https://www.mfa.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_677220/sbgx_677224/ (accessed 02.07. 2022)
4. Sudhi Ranjan Sen. India Defense Chief Says China is the 'Biggest Security Threat'. 12.11.2021. <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-11-12/india-defense-chief-says-china-is-the-biggest-security-threat> (accessed 10.12.2021)
5. Ankit Panda. Will India Lease Another Russian Nuclear Submarine? *The Diplomat*. March 30, 2015. <https://thediplomat.com/2015/03/will-india-lease-another-russian-nuclear-submarine/> (accessed 29.06. 2022)
6. Сергей Строкань. Российское оружие спешит в Индию. *Коммерсантъ*. 26.06.2020. <https://www.kommersant.ru/doc/4391564> (accessed 15.03.2021)
Sergey Strokan. Russian weapons rush to India. *Kommersant*. 26.06.2020. (In Russ.). <https://www.kommersant.ru/doc/4391564> (accessed 15.03.2021)
7. Об итогах встречи министров иностранных дел России, Индии и Китая. Совместное сообщение для СМИ. МИД РФ. 10.09.2020. https://mid.ru/ru/foreign_policy/briks/1441768/ (accessed 11.09.2020)
On the results of the meeting of the Foreign Ministers of Russia, India and China. A joint message to the media. Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. 10.09.2020 (In Russ.). https://mid.ru/ru/foreign_policy/briks/1441768/ (accessed 11.09.2020)
8. Suhasini Haidar. India-China ties will be reset after LAC stand-off, says former NSA Shivshankar Menon. *The Hindu*. July 11, 2020. <https://www.thehindu.com/news/national/india-china-ties-will-be-reset-after-lac-stand-off-says-former-nsa-shivshankar-menon/article32049764.ece/> (accessed 12.09.2020)
9. China's Total Export & Import Values by Country/Region (in USD). The General Administration of Customs of the People's Republic of China (GACC). December 2021. <http://english.customs.gov.cn/Statics/46bdb268-260d-46a1-adde-e3cebcacf6817.html/> (accessed 22.07.2022)
10. State Councilor and Foreign Minister Wang Yi Meets the Press. Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. 07.03.2022. https://www.fmprc.gov.cn/eng/zxxx_662805/202203/t20220308_10649559.html (accessed 15.03.2022)
11. 王毅会见印度新任驻华大使罗国栋. 中华人民共和国外交部. Wang Yi met with India's new ambassador to China P.K. Rawat. Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. 22.06.2022 (In Chin.). https://www.mfa.gov.cn/web/wjzbz_673089/xghd_673097/202206/t20220622_10708143.shtml (accessed 15.07.2022)
12. Joint Communiqué of the 18th Meeting of the Foreign Ministers of the Russian Federation, the Republic of India and the People's Republic of China. November 26, 2021. <https://thesaker.is/china-russia-and-india-foreign-ministers-joint-communique/> (accessed 12.12.2021)
13. Лавров С.В. Выступление на заседании министров иностранных дел России, Индии и Китая (РИК) в формате видеоконференции. Москва, 26 ноября 2021 г. https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1787342/
Lavrov S.V. Speech at the meeting of the Foreign Ministers of Russia, India and China (RIC) in the format of a videoconference. Moscow, November 26, 2021 (In Russ.). https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1787342/
14. Chen Dongxiao and Feng Shuai. The Russia-India-China Trio in the Changing International System. *China Quarterly of International Strategic Studies*. Vol. 2, № 4, 2016. p. 431.
15. Sisodia N.S. Foreword. India-Russia, Strategic Partnership, Common Perspectives. Ed. by P.Stopdan. IDSA, New-Delhi, 2010, p. viii.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Уянаев Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, вед.н.с., заместитель директора Института Китая и современной Азии РАН, Москва, Россия.

Sergey V. Uyanaev, PhD (History), Leading Researcher, Deputy Director, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 26.07.2022

Доработана после рецензирования
(Revised) 04.08.2022

Принята к публикации
(Accepted) 24.08.2022